

СЕРГЕЙ КРЫЖНЫЙ,

аспирант кафедры политической социологии
Харьковского национального университета
им. В.Н.Каразина

**Повседневность первых месяцев (осень 1941 —
весна 1942 годов) оккупации Харькова в устных
свидетельствах и биографических документах
(в контексте социологического изучения явления
гражданского коллаборационизма)***

Abstract

The paper presents some outcomes of a sociological investigation of the surviving practices widespread among the inhabitants of Kharkov under Nazi occupation during the Second World War. The author applies an original research methodology combining biographical analysis with oral evidences by eye-witnesses. Based on qualitative methods, a sociological reconstruction of the everyday life of Kharkov's inhabitants under the first period of the German occupation (autumn 1941 – spring 1942) is devised; usual practices for surviving and contributing factors are distinguished.

Постановка проблемы

Необходимость переосмысления событий Второй мировой войны на базе новых источников и методологических подходов обусловлена тем, что в течение всех послевоенных десятилетий отдельные страницы нашего прошлого замалчивались или оставались недостаточно изученными. Особенно это актуально в исследовании периода оккупации территории Украины 1941–1944 годов. Согласно установкам сталинского тоталитарного режима с его маниакальной подозрительностью и постоянными поисками врага, все люди, проживавшие на оккупированных территориях во время войны, авто-

* Выражаю искреннюю благодарность **А.Рапопорт** — студентке IV курса социологического факультета ХНУ им. В.Н.Каразина — за большую помощь в сборе и обработке устных свидетельств.

матически теряли доверие властей. А многообразие повседневной жизни и любые общественно-политические процессы, происходившие на оккупированной территории, кроме контролируемого партизанского и подпольного движения, считались не подлежащими изучению и не могли быть предметом публичного обсуждения. По словам Л.Гудкова: “В таких условиях высшие социетальные или общенациональные ценности артикулируются только в экстраординарной модальности, а именно в терминах подвига, самопожертвования, спасения, прорыва в новую реальность и отречения от обыденности и повседневности, пренебрежения “нормальной жизнью”. Экстраординарность — модус и условие воспроизводства таких ценностей. И наоборот, обыденность не только культурно не санкционировалась и идеологически не обеспечивалась, но и длительное время трактовалась как низкое, разрушительное или даже враждебное начало... Конечно, от “исключительности”, возведенной в социально-политический культ, было недалеко до оправдания бесконечного массового террора” [1, с. 38–39].

В итоге научная, публицистическая и художественная литература о подпольном и партизанском движении на Харьковщине насчитывает несколько сот наименований, тогда как изданная во время войны и послевоенная украинская советская историография о состоянии общества и его отдельных групп в период оккупации сводится к нескольким документальным сборникам и считанным журнальным статьям и главам в коллективных трудах историков [2]. Социологические исследования по этой проблематике практически отсутствуют.

В данном контексте становится понятным, насколько важны с научной точки зрения социологические исследования общества периода оккупации Украины времен Второй мировой войны, которые могли бы выделить общие и специфические черты и факторы человеческого поведения. Как люди преодолевали тяготы подокупационной жизни? Какие практики выживания распространялись в повседневной жизни? В каких формах осуществлялась адаптация человека к принципиально новым и весьма непростым условиям жизни? Поиск ответов на эти вопросы и стал главной задачей исследования, результаты которого частично изложены в данной статье.

Методы исследования

Исследование повседневности общества в прошлом предполагает ряд методологических трудностей, в целом хорошо описанных в специальной литературе по исторической социологии. Сегодня Вторую мировую войну отделяет от нас большой промежуток времени, многие события стерлись из памяти или же на них наслоились воспоминания и рассказы других людей либо официальная пропаганда. Тем, кто непосредственно пережил войну, трудно оставаться ценностно-эмоционально нейтральными в воспоминаниях и толковании событий того периода. Возраст людей, прошедших сквозь испытания той войны, сегодня довольно преклонный (70–90 лет), что заставляет особо внимательно относиться к оценке свидетельств респондентов. Нужно также указать, что, общаясь со свидетелями тех событий, мы получаем в основном женский или “детский” взгляд на реалии времен оккупации, что объясняется, прежде всего, объективными причинами — именно женщины и дети (подростки) составляли основную массу населения оккупированных территорий.

Поэтому ради получения более разностороннего знания об оккупационной повседневности в исследовании развивалась и применялась методология сбора данных, сочетающая возможности глубинных интервью с очевидцами событий и анализа биографических документов (дневников и письменных воспоминаний того времени). Комбинация таких методов позволила, с одной стороны, преодолеть “перекос” в сторону женского и “детского” взглядов на происходившее во время оккупации, нивелировать определенные “пробелы” или “наслоения” памяти в нынешних воспоминаниях респондентов, а с другой стороны, дополнить индивидуальные истории жизни, представленные в биографических документах, массовыми свидетельствами о событиях и реакции на них.

С целью выявления типичных практик выживания населения в условиях оккупации Харькова было опрошено в декабре 2006-го – ноябре 2007 года 25 человек, которые в период оккупации с 25 октября 1941-го до 23 августа 1943 года (и в частности в феврале–марте 1943 года, когда оккупация на некоторое время была прервана) находились в Харькове или близлежащих окрестностях. Среди опрошенных 9 мужчин 1927–1934 годов рождения (36%) и 16 женщин 1911–1925 годов рождения (64%). То есть на время проведения опроса самому младшему из респондентов мужского пола было 73 года, самому старшему – 80 лет. Среди женщин эти рамки составляли 82–96 лет.

Учитывая возраст респондентов и существенную эмоционально-ценностную окрашенность восприятия событий войны 65-летней давности, было решено отказаться от формализованных или полужормализованных интервью в пользу глубинных интервью по определенному сценарию. Сценарий содержал следующие проблемные блоки для обсуждения:

- как смены режима во время войны повлияли на образ жизни населения;
- отношение к оккупационному режиму, изменения в отношении за период оккупации и факторы таких изменений;
- влияние прифронтовой зоны и политики оккупационных властей на повседневное поведение жителей города;
- какие проблемы более всего беспокоили жителей во время оккупации;
- каким образом люди решали (пытались решать) эти проблемы;
- особенности функционирования социальной сферы города во время оккупации.

В главном практически все рассказы респондентов о пережитом, о практиках выживания, об отношениях между оккупантами и гражданским населением города существенно совпадают.

Устные свидетельства харьковчан, переживших оккупацию, сравниваются с материалами биографических документов известных людей, которые тоже прошли через оккупацию. В исследовании были использованы биографические свидетельства как тех, кто держался в стороне или боролся с оккупационными властями, так и тех, кто сотрудничал с оккупационным режимом, а после его падения оставил город с немецкими войсками и провёл оставшуюся жизнь в эмиграции. Такой материал позволяет посмотреть на события оккупации также глазами людей, не испытавших на себе влияния послевоенной советской пропаганды и цензуры. Именно под таким углом зрения для нас важны воспоминания бывшего председателя Харьков-

ской городской управы (1942–1943) О.Семененко [4], известного языковеда и литературоведа Ю.Шевелева (Юрия Шереха) [5], общественной деятельницы О.Соловей [6] и др. В этом контексте, по моему мнению, одним из ценных свидетельств эпохи является дневник украинского писателя А.Любченко, который в оккупированном Харькове сотрудничал с газетой “Новая Украина”. В период оккупации и во время отступления с немецкой армией в Германию, где он и умер зимой 1945 года, А.Любченко ведет дневник, куда в течение более четырех лет (2.11.1941–21.02.1945) записывает все, что его волнует: комментарии по поводу событий глобального масштаба, изменений геополитической ситуации, фронтовых новостей. Но главное, что есть в этом дневнике, — это описание повседневного существования и быта в разрушенном Харькове с заботами о куске хлеба, тепле, воде, с близостью фронта, ужасом бомбардировок и пониманием реальной опасности для него возвращения Красной армии и смены режима. В исследовании в качестве дополнительного материала использованы также воспоминания известной актрисы Л.Гурченко (“Аплодисменты”), детские годы которой тоже пришлось на период оккупации в Харькове.

Немалый интерес представляет взгляд на положение населения на оккупированных территориях Украины О.Верта, который в качестве британского военного журналиста был прикомандирован к войскам Советской армии во время их наступления и обобщил свои впечатления в книге “Россия в войне 1941–1945” [10], целая глава в которой посвящена именно Харькову.

В исследовании использованы также опубликованные в последние годы воспоминания рядовых харьковчан, которые пережили оккупацию в Харькове и только спустя более чем 60 лет после описываемых событий смогли донести свое видение тех времен до широкой общественности: О.Иваницкого [11], В.Устьянова [12], З.Рыбальченко [13] и др.

На мой взгляд, такая широкая представленность мнений разных авторов, занимающих разные временные, возрастные, политические и социальные позиции, поможет полнее постичь масштаб трагедии населения, оказавшегося на грани выживания в оккупированном городе.

Жанр биографического интервью и использование биографических документов обуславливают обильное цитирование. Из текстового материала я выбирал те цитаты, которые содержат наиболее типичные суждения, повторяющиеся в разных вариациях в рассказах респондентов и авторов воспоминаний¹.

Для данной работы представляют интерес те страницы данных биографических документов, где авторы описывают жизнь именно в первые дни и месяцы оккупации (октябрь 1941-го — май 1942 года), затрагивая практики выживания разных слоев населения в этот период. Безусловно, подобные практики были весьма разнообразными и существенно зависели не только от общих структурных и культурных условий жизни, особенностей военного и оккупационного режима, но и от личного отношения к событиям, которое тоже не было “свободным” от структурных обстоятельств.

¹ Все биографические материалы и устные высказывания приведены на украинском либо русском языке — в зависимости от того, на каком языке они прозвучали и были задокументированы в материалах исследования и в печатных изданиях.

Анализ данных

Восприятие факта оккупации города и первичные практики выживания в чрезвычайно сложных условиях войны и оккупации были в существенной мере обусловлены общим отношением человека к факту оккупации. Вот как, к примеру, возвышенно и патетически 2 ноября 1941 года начал свой дневник украинский писатель Аркадий Любченко, который пережил трагедию репрессий украинских писателей в 1930-х годах, по собственному желанию остался в Харькове и видел в оккупации путь к освобождению Украины от большевизма:

“Україна воскресає. В руїнах війни, в пожежах, з попелу виникає, як фенікс. Харків майже наполовину спалений більшовиками, знищений. Я все це бачив. Скільки пережито за останній місяць! А скільки ще попереду — і голод, і холод, і злидні, і кров... Але мій нарід, пройшовши це страшне горнило, знає нового кращого життя. І що б там не було, а Україна, ставши двадцять п'ять років тому на шлях власної державності, крізь бурі, тортури, знущання та визиск все одно державності не втрачає і тепер починає новий рішучий етап свого ствердження” [7, с. 7].

Уже в начале дневника (10.11.1941) А.Любченко восторженно пишет: *“В управі, в загальній залі адміністрації [ативного] відділу добре намальовані плакати: “Слава великому німецькому народові” (і свастика), далі — великий золотий тризуб і з другого боку знову такого ж розміру плакат, писаний староукраїнським письмом і жовто-блакитним кольором: “Слава вільній Україні!” А навпроти — на всю стіну транспарант: “Велика слава і дяка німецькому фюрерові Адольфу Гітлерові, що визволив український нарід від жидівсько-московського гніту”. Поступово бодай зовні Україна українізується”* [7, с. 15].

Но большинство жителей города без “восторга” встречали приход новой власти. Предвидя трудные времена, люди накануне вторжения войск Вермахта запасались продуктами, другими необходимыми вещами. Судя по интервью и воспоминаниям, население беспокоила не столько проблема оккупации как таковая, сколько возможные перебои с продовольствием, теплом, одеждой и прочие бытовые проблемы. Очевидцы тех событий утверждают, что вступлению в город первых немецких войск предшествовало несколько дней полнейшего беспорядка и хаоса. Это произошло из-за того, что основные войска и милиция уже отошли из города, руководящее звено гражданской власти тоже эвакуировалось на Восток. Начались массовые грабежи остатков продовольствия и материальных ценностей со стороны горожан.

Валентина М.:

“Все остатки, которые в магазинах остались, люди ринулись туда. Это помню — магазин, детский сад, потом — ХАИ тоже, в общем шастали — кому что нужно, хапали все, что может пригодиться. Ну не взяли бы мы, взяли бы немцы. Наши тоже побежали в гастроном, ну, видно брать там уже нечего было, все остальное уже увезли, притащили немного, килограмма 2 сахара напополам с патокой, рыжей такой, и миндаля, которого в мирное время никто не пробовал. И ринулись в детский сад, ну что там можно... ну, хапали все, что можно. Я помню, наши притащили 2 одеяла, наверно ж детских, ну и всякую ерунду, игрушки там, брали все, что можно было, как все”.

Олег Х.:

“Я помню, как разграбляли, когда наши отступали. Все горело, и люди врывались в склады... вот в “Гиганте” были склады на первом этаже, в подвале. Ну, когда немцы наступали, бомбили, и уже наши уходили с Харькова... вот там и мыло было, порошки какие-то...”

Р.Рыбальченко рассказывает об ограблении кондитерской фабрики КАФОК, которую тоже подожгли при отступлении Красной Армии, но люди не обращали на это внимания:

“Боже, що там діялось! Купи грабіжників тягли солодкі вироби. Вихоплювали буквально з полум'я ящики з готовою продукцією, мішки з цукром, кавою, какао, мигдалем... Не маючи змоги уже спуститись сходами, оскільки горів перший поверх, люди вистрибували згори разом із мішками. У дворі фабрики стояли величезні баки з патокою. Її виточували куди попало: у відра, тазы, каструлі, навіть у мішки, і вона, хоч і густа, все ж просочувалась і залишала липкий слід” [13, с. 47].

Александр К.:

“Началась война... через пару дней, нет — месяц — грабеж начался. Ну, магазины грабили, бросили ж... никакой власти, ничего. Вот, по магазинам растаскивали что могли. Моя мать притащила кучу галстуков, досталось ей. Напротив, на Ивановке, был завод шампанских вин, я сам туда ходил, ну, пацаненком, заглядывал. Плавали напившиеся, которые пили, вот. Из чанов вытекало вино это. Там какой-то мед, искусственный мед был, тоже черпали, таскали домой, кто что мог.. ”. Это подтверждает и Р.Рыбальченко:

“...на заводі шампанських вин відкрутили кран із цистерн, вино текло річкою, люди пили його з підлоги, як свині, та наточували в відра” [13, с. 43].

Это было время, когда городское сообщество поддалось тому социальному безумию, которое является массовой реакцией людей на разрушение ценностно-нормативных устоев общества в условиях неопределенности дальнейшего образа жизни. Продолжая мысль Е.Головахи и Н.Паиной [14], можно утверждать, что страх, вылившийся в такое социальное безумие, возник в результате нарушения психологических механизмов адаптации к неизвестной ценностно-нормативной системе, создавшейся в результате неизбежной оккупации. В данном случае страх выступил в своей крайней форме — массовой паники, являющейся исключительно сложным социально-психологическим феноменом и обладающей эффектом социального заражения.

В подобных актах грабежа участвовали не все горожане. Те, кто считал себя интеллигенцией, не прибегали к подобным действиям в силу воспитания и по другим причинам, таким как надежда на быстрое возвращение жизни в нормальное русло.

Ю.Шевелев:

“Дещо з крамниць спалено, дещо розграбувала та частина населення, яка не була політично підозріла. Ні мати, ні я не брали в цьому участі... Це означало — інші могли мати запаси на місяць або й більше, ми — хіба на два-три тижні” [5, с. 297].

Лукерья Н.:

“Ничего не было, даже то, что было, и то разграбили... вот, скажем, у нас в Баварке, там есть хлебзавод, есть пивзавод. Тут много продук-

тов было... А вот эти два завода, кто ближе люди, то конечно... Но мы ж не привыкли красть, Вы понимаете, не привыкли без разрешения что-то брать..! И вот те, которые не такие, понахальнее и возможность была — они что-то с этих заводов взяли про запас. А мы так и недалеко оттуда жили, но ничего не могли сделать. Потому что вот мы не привыкли. Не привыкли, и мы думали, что это временно. Думали, ну пойдут, ну придут, но все равно быстро будет освобождение, и как-нибудь обойдемся, вот так вот. Конечно, потом пришлось туго...”

По этому поводу рассуждает и О.Гончар в своем дневнике:

“До вечора в місті черги. Черги за всіма продуктами, особливо за хлібом. Я лаяв обивательське боягузтво, а можливо, й надаремно: може, те борошно, взяте в перший день, врятувало якусь сім'ю в голодну німецьку зиму 1941–1942, коли Харків вимирав з голоду” [8, с. 11].

Более дипломатично о хаосе, охватившем брошенный на произвол судьбы город, пишет О.Генкина [15], считающая, что:

“...Радянська влада все, що не могла вивезти, роздавала мешканцям міста безкоштовно; люди несли буханки хліба, овочі, патоку з кондитерської фабрики, а потім і роздавати було нікому, самі брали, що ще лишилось” [15, с. 23].

Но Советская власть не только “раздавала” жителям города бесплатно продукты и вещи. По приказу командования стратегические объекты уничтожались специальными отрядами. Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях В.Устьянов:

“Ще фронт гуркотів за межами міста, а центр Харкова вже палав. Великі будівлі охоплювалися полум'ям, і вогонь перекидався на сусідні житлові будинки, покинуті й не покинуті мешканцями. Тільки спалахували будинки не від ворожих рук: це сумлінно працював наш рідний загін паліїв особливого призначення; начебто Червона Армія залишала Харків назавжди, і нічого не мало дістатися ні німцям, ні жителям міста... Мешканці будинків кинулися захищати свої житла, адже з палаючої державної будівлі вогонь міг перекинутися на цілий квартал... Наш будинок стояв у тісному кварталі багатопверхових споруд у центрі міста на початку Пушкінської вулиці... Аж ось мешканці нашого будинку переполошилися; підпалено готель “Червоний”. Побігли, загасили підпал, був там і мій батько. Через якийсь час знову повідомили, що готель “Червоний” підпалено. Побігли знову, але полум'я вже не загасили, бо це місце охоронялося паліями. Аж поки нижній поверх готелю надійно не зайнявся” [12, с. 130].

Серьезную вину за то, что впоследствии случилось с населением города, О.Семененко возлагает на советское руководство. Он также утверждает, что:

“...в останні дні перед тим, як німецьке військо зайняло Харків, над фабричними районами стояв дим і палахкотіло полум'я. З Москви надходили в гарячковому поспіху, але точно і детально сформульовані накази про те, що саме треба вивозити і що треба нищити” [4, с. 136].

Об этой политике советского руководства пишет и английский журналист А.Верт:

“Радянська політика “спаленої землі” в промислових районах з самого початку створила величезні труднощі для німців...” [10, с. 427].

Можно лишь догадываться, какие “трудности” такая политика создала для гражданского населения Украины. Такие действия советской власти сопали по времени с массовой эвакуацией части населения и с приближением фронта, еще больше подогревая панические настроения горожан, вселяя в них страх перед будущим.

Причины массового распространения такого катастрофического сознания следует искать в событиях прошлого. Большинство взрослого населения города в подобных действиях опиралось на индивидуальный опыт недавней истории, который этим людям пришлось пережить, — опыт революции, гражданской войны, первой немецкой оккупации, голода 1933–1934 годов, предвоенных политических репрессий. Именно этот опыт подсказывал большинству жителей города, что смена власти не сулит ничего утешительного, поэтому нужно решительно действовать, чтобы как-то подготовиться к ожидаемому нелегкому будущему.

В этом случае, оперируя терминами А.Шюца, мы можем говорить, что произошла объективация опыта. Механизмами ее реализации выступили идеализация и типизация, поскольку опыт, к которому мы обращаемся в повседневной жизни, является определенной схемой, систематизирующей “имеющийся запас знаний”. Предшествующий опыт, по определению, есть типизированным, он не может быть простой совокупностью разрозненных фактов: мы привычно относим каждую вещь к определенной группе, то есть занимаемся классификацией объектов. И в данный исторический момент произошла одновременная типизация и трансляция на современность предшествующего опыта для большого количества людей, имевших общее прошлое.

Поэтому, имея истоки в индивидуальном опыте, страх перед будущим у многих горожан транслировался в коллективное катастрофическое сознание, таким образом социализируя их. Превратившись из индивидуального ощущения в коллективное, страх перед изменением повседневных практик на фоне практически полного отсутствия информации о реальности угрозы, вылился в период безвластия в деструктивные формы массовой паники.

Но в те октябрьские дни люди еще не догадывались о страшных испытаниях, уготованных им судьбой. Большинство жителей Харькова затаились в ожидании новой власти и новых порядков, массовая паника стихла накануне вступления немецких войск.

И вот 24 октября 1941 года большинство харьковчан впервые увидели немецких солдат, практически без боя входивших в покинутый советскими войсками город. Большинство свидетелей отмечают будничность, с которой произошло это, по сути, чрезвычайное событие.

Наиболее удачное описание этого находим в воспоминаниях Л.Гурченко:

“В городе как будто все вымерло. Только по булыжной мостовой Клочковской улицы шли немецкие войска, ехали машины, танки, орудия. Не было ни выстрелов, ни шума. Жители группками осторожно спускались вниз по Клочковской, чтобы поближе разглядеть: какие же они, немцы? Немцы шли, ехали молча. Никакой радости, никакого ликования по поводу взятия крупного города не было. Все холодно, четко, равнодушно. На жителей не смотрели. Мы разглядывали их дымчато-серую форму, лица, погоны. У некоторых под подбородками висели железные кресты. Впервые увидели и немецкие танки, тоже с крестами.

Несколько дней было затишье. Вообще не чувствовалось, что вошли враги. Началось все позже” [9, с. 21].

Как и в случае с массовой паникой перед вступлением немецких войск в Харьков, большинство населения, также в основном подсознательно типологизируя свой предшествующий опыт жизни в условиях постоянной смены власти в течение нескольких последних десятилетий, а позже спорадических репрессий тоталитарного режима, направленных на тот или иной слой населения, выбирало путь выжидания, не прибегая ни к каким действиям.

Но определенная часть населения встретила прибытие войск вермахта с нескрываемой радостью. Именно эти люди, как принято считать, и были настроены наиболее враждебно к советской власти и в своем большинстве сознательно остались под оккупацией в надежде на быстрые перемены.

Вот как Ю.Шевелев вспоминает первый день вступления немецких войск в город:

“Харків’яни вийшли на вулицю... Руїни ще димували. Гуляльники в святкових убраннях сповнили вулиці. Нечисленні німецькі вояки тонули в морі гуляльників. Осінній день був теплий. Усе раділо. Старе скінчилося, мало початися нове... День був погожий, і це були перші німецькі солдати, жовте листя, біте скло були як музика на підшвах” [5, с. 297].

На основании этого и подобных свидетельств очевидцев можно сделать вывод, что определенная часть населения с начала оккупации была настроена на сотрудничество с оккупантами, и подобные действия со стороны отдельных горожан, наряду с попытками любой ценой остаться в оккупированном городе вопреки приказам, можно считать первыми фактами проявления гражданского коллаборационизма. Такие действия определенной части населения также базировались на предшествующем жизненном опыте, но ином, нежели у большинства горожан. Этот опыт, по-видимому, подсказывал, что нужно уважительно относиться к любой власти, и лишь благодаря этому можно выжить, а то и улучшить свое положение. Возможно, большинство подобных действий были своеобразной попыткой социальной мимикрии — адаптивного образа жизни, когда коррекция поведения осуществляется путем маскировки традиционных установок и неизменного целеполагания. Так, А.Лобанова утверждает, что “субъект-носитель социальной мимикрии реализует свою маскировочную деятельность в определенном жизненном пространстве, в любой сфере жизнедеятельности: политической, экономической, научной, профессионально-трудовой, семейно-бытовой и других, при этом труд рассматривается им как необходимое и наиболее целесообразное звено его действия. Безусловно, вне сферы труда социальная мимикрия ощутимо утрачивает свою целевую определенность” [16, с. 170].

Другие, наверное, связывали с приходом немецких войск надежды на смену политической системы, что также базировалось на предшествующем опыте, который, возможно, был связан с событиями предыдущей немецкой оккупации Харькова во время гражданской войны и дальнейшими политическими репрессиями со стороны советской власти.

Надежды части населения на кардинальные улучшения в жизни с приходом новой власти развеялись не сразу. Некоторое время общество еще жило по инерции советского времени с небольшими вкраплениями “нового порядка”. Вот как метко о настроениях тех дней пишет Ю.Шевелев:

*“Люди ждали наказу, розпорядження, бодай поштовху — від нової влади... Крамниці не відчинялись. Довозу до міста не було, базари стояли порожні. По парканах розклеєно накази німецької влади — по-німецьки і страшною, нікому не зрозумілою галицько-еміграційною тарабарщиною, що мала зватися українською мовою — люди питали здивовано, що таке **карність**? що таке **важність зарядження завішено**? Там говорилося про те, що не можна займати військового майна — інакше сувора кара; що не можна не слухатися німецького вояка — інакше сувора кара... кара... кара... Але там нічого не говорилося, що можна і як жити” [5, с. 298].*

Тем временем по городу прокатилась волна терактов со стороны оставленных в городе диверсионных партизанских групп. Один из таких случаев описан А.Любченко, который в тот момент находился в помещении городской управы:

“Вривається група заплаканих жінок з лементом. Вчора [1.11.1941] згорів Журавлівський базар, підпалений червоними диверсантами. Німці одразу позабирали 24 чолов. з прилеглої до базару вулиці, 12 тут же розстріляли, решту взяли на допит. Жінки просять урятувати цих, поки їх ще не розстріляли” [7, с. 8].

Массовая практика взятия заложников из числа гражданского населения началась после подрыва в ночь на 14 ноября 1941 года штаба 68-й немецкой пехотной дивизии радиоуправляемой миной, установленной специальной диверсионной группой под руководством И.Старинова еще до того, как город был оставлен советскими войсками. В результате теракта погибли 12 немецких военных, в том числе командующий дивизией генерал Браун. По мнению оккупационных властей, к этой волне диверсий были причастны оставленные в городе партизаны и подпольщики, поскольку тогда еще не было в практике управления взрывными устройствами на значительном расстоянии. Со стороны немецких властей начался захват заложников из гражданского населения, преимущественно мужчин. На следующий день после диверсии было схвачено 1000 человек, из них 50 были расстреляны в тот же день. В приказе коменданта города говорилось, что в случае дальнейших терактов уничтожению будут подлежать по 200 человек.

В.Устьянов:

“Серед ночі лунали страшенні вибухи, злітали в повітря заміновані великі державні будівлі. Німці вважали, що це робота місцевих партизанів. Після кожного такого вибуху наступного дня комендатура страчувала 100–200 чоловік заручників, про це повідомлялося в оголошеннях, розвішаних по місту...” [12, с. 131].

Ю.Шевелев:

“...Досягши Пушкінської, я перейшов на другий бік. Тільки тоді я побачив, що це врятувало мені життя. З другого, західного боку вулиці німецькі солдати хапали всіх перехожих чоловіків і тут-таки вішали на ліхтарях. За що це була відплата, я не знав, і, либонь, ті, схоплені, теж не знали” [5, с. 340].

О.Иваницкий:

“В городе действовала система заложников, которую немцы поимствовали у большевиков-ленинцев. В случае какого-либо антинемецкого акта оккупанты устраивали облаву на мужчин в возрасте от 15 до

55 лет и брали в плен. При повторении подобного акта заложники уничтожались, чаще всего их вешали” [11, с. 111].

Центральный в городе Благовещенский рынок становится местом “взаимодействия” между оккупационными властями и населением, принимая ритуальные черты:

Л.Гурченко:

“Главным местом всех событий в городе был наш Благовещенский базар. Здесь немцы вешали, здесь устраивали “показательные” казни, расстрелы. Жители города сотнями шли со всех концов на базар. Образовывался плотный круг. Впереди — обязательно дети, чтоб маленьким все было видно. Внутри круга — деревянная виселица со спущенными веревками. На земле несколько простых домашних скамеек или деревянных ящичков. Дети должны были видеть и запоминать с детства, что воровать нельзя, что поджогом заниматься нельзя. А если ты помогаешь партизанам, то смотри, что за это тебе будет... Из темных машин выводили в нижнем белье мужчин с дощечками на груди: “Вор”, “Поджигатель”, “Партизан”. Тех, кто “Вор” и “Поджигатель”, подводили к виселице, вталкивали на скамейку и, не дав опомниться, выбивали скамейку из-под ног. Операция “Партизан” была самая длинная, изуверская и... “торжественная” ...” [9, с. 27–28].

В целом тема массовых смертных казней через повешение присутствует чуть ли не в каждом рассказе очевидцев. Воспоминание о тех ужасах, которые им пришлось увидеть тогда, люди пронесли через всю жизнь...

Ю.Шевелев:

“Зрештою, перше повішення я бачив таки в перший день приходу німців, коли Харків був ще в святковому настрої. Люди радісно прогулювалися Сумською вулицею, коли на будинку обкому партії вивели на балкон людину і повісили, почепивши на груди напис “Партизан”...” [5, с. 340].

О.Иваницкий:

“Один раз во время похода в Харьков мы с мамой поднимались вверх к площади Тевелева по улице Короленко. При выходе на площадь нас остановил какой-то нечеловеческий вой, доносившийся с площади. Это кричали казнимые, которых немцы вешали на балконах здания горсовета. Мама схватила меня и крепко прижала мою голову к себе, но я успел увидеть саму казнь. Стоял нестерпимый крик...” [11, с. 110].

Владимир С.:

“Вешали первое время очень много, каждый день человек 100–200 на балконах. Искали коммунистов, передовиков...”

Александр Х.:

“Мы, пацаны, мы смотрели, как вешали людей на балконах, у обкома партии там висело 5–6 человек”.

Вячеслав П.:

“Вы знаете, это страшно, я как вспоминаю ребенком... Немцы когда вступили, от силы, может быть, два дня прошло, я вышел на угол — Бог ты мой, висит человек, ужас. И после того сколько их вешали вот там на углу возле завода. А почему я говорю, что партизаны прекратили проявлять свои действия после того, как взорвали Холодногорский мост — людей вывесили по всей Свердловла, по всей Свердловла повесили людей. А за что людей вешали... я лично видел, как вешали, и на шею ве-

шали табличку — “Партизан”. А голубей ребята держали... боялись с ними расстаться, а не разрешалось. И там вот парня повесили за то, что он держал голубей, считали, ну, я не знаю... записки в них кладут... короче не разрешалось, и за нарушение и неповиновение вешали...”

Репрессии оккупационных властей вызвали среди населения ужас, изменивший восприятие событий даже у сторонников немцев. Так, уже в первой записи от 2 ноября 1941 года А.Любченко пишет:

“Вчора — дощ, холод. Я в місті. На майдані Держпрому величезний на-товп, ждуть німецького радіо. В цей час з’явилося кілька німецьких солдатів, привели людину з зав’язаними очима. Оголили, що це партизан, і повісили тут же на балконі колишнього Обкому” [7, с. 7].

Именно в это время, по моему мнению, и произошел символический слом “советской” повседневности, и на ее место пришла новая — оккупационная. Население, которое ранее, несмотря на тоталитарную сталинскую систему, в большинстве своем приспособилось к повседневным практикам советской действительности, приобрело специфический жизненный опыт, который подсказывал, что можно делать, а чего нельзя, за что можно быть наказанным. В то же время неслыханные репрессии со стороны немцев привели снова к взрыву катастрофического сознания в обществе. Но в этом случае, в отличие от предыдущих, люди не могли найти ответ на вопрос “как действовать?” в событиях прошлого. Индивидуальный опыт не мог подсказать какой-либо выход из ситуации — его просто не существовало. Жизнь начинала зависеть от случая, а не действий или бездействия конкретного человека или социальной группы. Это посеяло в обществе ощущение обреченности и ожидания возможной случайной смерти. Именно это ощущение и станет на продолжительное время тем индивидуальным и коллективным жизненным опытом, который и будет решающим в дальнейших практиках выживания большей части населения города.

Ощущение обреченности вызвали не только такие публичные формы уничтожения, но и повседневные практики разбоя со стороны представителей оккупационных властей. По свидетельствам очевидцев, немецкие солдаты не гнушались ничем — ни продуктами, ни вещами...

О.Соловей:

“Німці поводяться, як на мене, дивно: забачать на комусь добрі чоботи — роззувайся на снігу, порядну шубу — скидай на морозі, навіть рукавиці відібрали в жінки, що несла воду. Ходити небезпечно: вчиняють облави, хапають заручників. Вішають, розстрілюють. Сторожа 18-ої школи, літнього і хворого, вивели за поріг, прошили кулями...” [6, с. 19].

Энгельсина К.:

“Мы уже увидели, когда они зашли в наш дом, стали ходить по квартирам — где что можно взять. Людей таки грабили. У кого можно что было взять, они таки грабили, не спрашивая”.

Евгения Ч.:

“Теперь так — что хотели они, то брали. У нас перину, вот так подошли, перину попробовали, значит, мягкая перина, забрали туда, в школе они там расположились. Лазили, но сказать нельзя было ни слова. Вот тут сервант стоял, а под стеклом был мешочек такой с материала, был сахар там. Несколько, килограмма 3—4, вот так. ... Наверху стояла

баночка с патокой, белая патока такая, и стояла баночка с медом. Он мед попробовал — туда, патоку попробовал, оставил — не взял”.

Владимир С. считает:

“Немцы, командование решило наказать местных — раз разграбили, значит — не будете ничего получать. А своей армии разрешили на трое суток грабить. Все, что ему нравится...”

Того же мнения придерживается и историк А.Скоробогатов, отмечая, что первые несколько дней город был отдан на разграбление войскам вермахта, причем такие действия происходили при полнейшем попустительстве со стороны военного руководства. Программой действий в городе для солдат вермахта стал приказ командующего 55-го армейского корпуса генерала фон Фирова от 23 октября 1941 года “Руководящая линия обращения с гражданским населением”:

1. Все средства победителей правильные, если способствуют установлению в Харькове спокойствия и порядка.
2. Непослушных элементов, саботажников и партизан, которых следует искать почти исключительно в еврейских кругах, карать смертью.
3. Немецкий вермахт не заинтересован в поддержке населения Харькова. снабжение населения является заботой исключительно городского управления.
4. Немецкий вермахт не заинтересован удерживать население Харькова в городе.
5. Крайняя жестокость в обращении с местным населением необходима и обязательна...” [цит. по: 17, с. 69].

Этот и другие приказы и заложили фундамент политики оккупационных войск по отношению к гражданскому населению города, поэтому после взятия Харькова события развивались в соответствии с директивами командования.

В результате таких действий немецких властей подпольная борьба, партизанское движение охватили не слишком большую часть населения. Немецкая политика “замирения” оказалась на удивление “эффективной”. Командующий 6-й армией Рейхенау 7 декабря 1941 года записал в своем дневнике: “...в районе армий покончено с партизанским вопросом... В ходе этих акций в районе армии было публично повешено и расстреляно несколько тысяч человек. Смерть через повешение действует, как показывает опыт, особенно устрашающе. В Харькове были публично повешены несколько сот партизан и подозрительных элементов. С тех пор акции саботажа прекратились. Опытном установлено: лишь те меры достигают цели, перед которыми население имеет больший страх, чем перед террором партизан” [цит. по: 17, с. 72]. Такие данные подтверждаются и официальными советскими источниками — в соответствии с утвержденным в 1945 году Харьковским обкомом партии официальным отчетом о деятельности харьковского подполья, количество членов партии и беспартийных, признанных участниками партизанского и подпольного движения, по всему городу Харькову составляло всего 71 человек. Вместе с тем только 16-ти из 175-ти коммунистов, которых оставили в городе для подпольной работы, позже вернули партийные билеты на основании их отчетов [17, с. 260].

Генерал Рейхенау оказался по-своему прав — в результате нечеловеческих действий немецких военных произошел коренной слом в сознании

большинства горожан, которые стали чувствовать себя не хозяевами города, в который вошла вражеская армия, более или менее уважительно относящаяся к их правам и установленным практикам жизни, а как подневольные, жизнь которых зависит исключительно от воли захватчиков. Пришло понимание того, что немецкая оккупационная власть даже не собиралась налаживать сотрудничество с местным населением.

У большинства харьковчан немецкая власть уничтожила “ощущение себя как дома” в том смысле, который вкладывал в это выражение А.Шюц, — в смысле высшей степени близости и интимности: “Домашняя жизнь придерживается организованных рутинных образцов, она имеет четко определенную цель и апробированные средства, состоящие из набора традиций, привычек, институтов, распорядка для всех видов деятельности. Большинство проблем повседневной жизни может быть решено путем соблюдения образцов. Здесь не возникает потребности определять и переопределять ситуации, которые раньше многократно встречались, или давать новые решения старым проблемам, уже получившим удовлетворительное решение. Образом жизни дома руководит не только моя собственная схема проявлений и интерпретаций, она является общей для всех членов группы, к которой я принадлежу. Я могу быть уверен в том, что, применяя эту схему, пойму других, а они — меня...” [18, с. 139].

После массовых казней невинных заложников, реальных и воображаемых партизан, еврейского населения, грабежа со стороны оккупантов и лишения горожан любых прав в “своем” городе люди утратили возможность — будь то субъективно или объективно — предвидеть действия других (особенно оккупантов) по отношению к себе и их реакцию на свои действия. А именно это и является одной из важных составляющих в понимании окружающей повседневности, в которой “мы можем не только предвидеть, что произойдет завтра, но и планировать более отдаленное будущее. Вещи продолжают оставаться такими же, как и были. Конечно, и в повседневности есть новые ситуации и неожиданные события. Но дома даже с отклонениями от повседневной рутины управляют такими способами, которые позволяют людям обычно справляться с экстраординарными ситуациями. Существуют привычные способы реагировать на кризисы в бизнесе, для улаживания семейных проблем, отношения к болезни или даже смерти. Как это ни парадоксально, здесь существуют рутинные способы иметь дело с инновациями” [18, с. 140].

Таким образом, утратив ощущение “себя как дома” и возможность предвидеть действия *другого* и, как следствие, планировать свое будущее даже на короткий промежуток времени, население, в своем большинстве, было вынуждено решать проблему элементарного выживания. Быстро усвоенный большинством горожан новый жизненный опыт подсказал, что выживание возможно только при условии подчинения и выполнения приказов.

“Нове, що прийшло замість старого, було байдуже до людей. Люди — вони називалися тепер офіційно тубільцями — цікавили його лише постільки, оскільки вони могли б перешкодити пересуванню або прохарчуванню війська” [5, с. 298].

В такой ситуации для большинства речь шла не о каком-либо сотрудничестве с оккупантами. У большинства жителей города остался только один вопрос “как выжить?”.

С наступлением зимы 1941–1942 года в городе воцарился голод — самый страшный, по словам П.Сорокина [19], из тех “монстров”, которые влияют на мнения и поведение, на социальную организацию и культурную жизнь.

Ю.Шевелев:

“Гіршим ворогом від холоду був голод. Він загрожував уже в перші, жовтневі дні, він уже був паном міста в листопаді. Перед очима проходили всі його стадії... Я пройшов стадію схуднення і був уже готовий до спухнення, але тоді [було] мене врятовано” [5, с. 300].

Даже те люди, которые сознательно по политическим мотивам пошли на сотрудничество с немецкой властью, жили в ужасных условиях:

А.Любченко:

“4/12-41 р. Хліба досі нема (живу на висівках). У Харкові дедали частіші випадки спухнення від голоду. Сьогодні оголошено дозвіл виходити й приходити до міста в західнім напрямкові на 100 км. Може почнеться якийсь довіз. Проте надії мало. Харків у руїнах, у морозі, що незмінно вже держиться 3 тижні. Харків без світла, без води, без торгівлі, без хліба. Харків напружений, мовчазний, страшний. На базарі шклянка висівок — 10 крб. Копають мерзлі буряки (кормові) під містом і їдять. Великі ласощі — конина, хоч її дуже важко добувати” [7, с. 19].

Б.Гмыря, выдающийся украинский певец, который выступал в оккупированном немцами Харькове, пишет:

“Не буду говорити про страхіття голоду, коли я особисто мало не падав на сцені від знемоги, а за виступи в концерті одержував 100 грамів хліба як гонорар” [цит. по: 20, с. 104].

И именно это влияние голода толкало разные слои населения на поиск разнообразных способов выживания в страшных условиях оккупации. Замерзший город страдал и искал пути спасения. Практики выживания, с одной стороны, были крайне ограничены форматом военного положения, а с другой — оказались чрезвычайно действенными благодаря воле людей к жизни. За каждой такой практикой, за их хитросплетениями стоят человеческие судьбы и попытки каждого выжить любой ценой.

Люди не гнушались никакими способами выживания, иногда даже совершенно экзотическими. Такими, как, например, поедание животных из городского зоопарка:

Фаина Я.:

“Нас спасло то, что зоопарк открыли, звери гуляют. Брат привел маленькую лошадку, пони. Она стояла у нас в сарае, а потом кормить нечем, и папа ее зарезал. И мы это мясо... мама мясо в бочке засолила. И мы почти что, ну долгое время, семья ж все ж таки большая, ели эту лошадку”.

Огромной проблемой было даже добывание воды:

Мария Е.:

“Водой мы пользовались из Саржиного яра. Колодца у нас не было. Вот немцы приезжали со своими баклагами, со своими банками, а нам надо было успеть до того, как немцы приедут, набрать воды. Иначе потом будешь набирать не одному... не одной кухне, а несколькими, будешь полдня там торчать, а он тебе будет командовать”.

Гурченко Л.:

“Воду брали прямо из проруби в нашей речке Лопани. Ужас... Сначала я всегда набирала два полных ведра... Сделаю десять шагов и понимаю — не смогу, не донесу. Начинаю потихоньку отливать. Иду — отолью. Еще иду — еще отолью. Несу окоченевшими руками проклятые ведра, считаю шаги... И вдруг: “Айн момент, киндер! Ком, ком, гер! Шнель, шнель!” Немец отдает твою воду коню... Домой идти? Выстоять еще раз очередь?.. Нет сил, ну нет же сил. Вода нужна, и я поворачиваю назад, к проруби” [9, с. 19].

Самым распространенным занятием того времени была так называемая менка, метко названная “наиболее выразительным и типичным явлением времен оккупации” [13, с. 154]. О ней упоминается практически во всех свидетельствах. Когда немецкое командование сняло запрет на выход из города в определенных направлениях, многие харьковчане двинулись на село менять вещи на продукты.

Вячеслав П.:

“Вот, мама ходила на менку, я с ней ходил на менку за 40 километров, потом за 60 километров, ходили все дальше. Сперва начинали где-то может быть с 30 километров. Ну, были вещи, забирали буквально все. Что могли поменять — меняли на зерно. Ну, вот этим вот и жили”.

Мария Е.:

“Уже в 42-м году, в январе месяце, отец был вынужден пойти на менку. У нас там было 2 скатерти, ценных вещей у нас не было, мы строили дом, жили мы средненько так, понимаете. Он забрал скатерти, забрал вольтовые отрезки, были там на платье, и пошел до Богодухова, а за Богодухов еще 20 километров. Январь месяц — стужа, мороз, пойти в никуда, ночевал на полу, на соломе. А приносил — стаканчик пшеницы, стаканчик пшена, стаканчик фасоли — что-то выменянное за это все. Но, слава Богу, пришел...”

Владимир З.:

“Ходили на мены, жили в основном на... вот что-то поменяли на менке, и вот то, что принесется после менки, вот это было и питание”.

Эти и другие свидетельства указывают на тот факт, что оккупационный режим в разных местах различался в зависимости от ряда факторов. Даже на Харьковщине люди жили по-разному в период оккупации. Жители сельской местности в основном переживали оккупацию намного легче, чем жители Харькова. Там, где не было репрессий по отношению к местному населению со стороны оккупационных властей, люди продолжали жить “как у себя дома”, управляясь с возникшими изменениями благодаря хорошо отлаженному механизму, в котором пьянство занимает не последнее место. Один из очевидцев приводит картину увиденного им в селе во время “менки”.

О.Иваницкий:

“Еще теплой осенью мы пришли в село, где праздновали престольный праздник местного прихода. Меня поразила картина всеобщей пьянки. Никаких ограничений на самогонование тогда не было, а в поле оставалась масса неубранного сахарного бурака, и других корнеплодов. Гнали самогон почти в каждом дворе, зачастую под открытым небом, над селом стоял устойчивый запах свежей бражки. По улицам и дворам ползали и валялись перебравшие. Я видел своими глазами, как к

самогонному аппарату подполз трех-четырёхлетний мальчуган и подставил кружку под пахучую струйку” [11, с. 115].

Можно лишь догадываться, как реагировали голодные харьковчане на увиденное в селах, как подобные случаи влияли на их моральное состояние.

Вместе с тем жестокость оккупационного режима в городе объяснялась тем, что Харьков в течение всего времени оккупации относился к военной зоне и не был передан под управление гражданской администрации. Именно пребывание Харькова в зоне военной оккупации в большой мере и послужило причиной такого ужасающего положения населения города, особенно в начале оккупации. Историк О.Субтельный отмечает, что “в частности в Галиции, которая стала частью Генерал-губернаторства Польши, немецкие власти вели себя не так жестоко, как в восточных регионах”, а в южных регионах, которые были под румынской оккупацией, по мнению историка, вообще были либеральные порядки: “Румыны сами не уничтожали евреев (а передавали их нацистам), воздерживались от применения широкого политического террора и разрешали свободно торговать” [21, с. 576].

Тем более абсолютно некорректно сравнивать положение населения в оккупированной Украине, и в Харькове в частности, и в оккупированных странах Западной Европы, что иногда встречается в исторической и публицистической литературе. Вот как, к примеру, описывает в записи от 28 июня 1942 года польский прозаик А.Бобковский, находившийся в оккупированном Париже, положение населения под оккупацией:

“День гарний, теплий, вже літній. Я зробив сніданок. В неділю ми завжди п’ємо чай і завжди є ще масло до хліба. Потім ми розкопали мапу околиць Парижа і вибрали трасу для сьогоднішньої прогулянки на велосипедах. Буас, Сен-Леже. Шорти, і віжджаємо. На велосипеді наплечник із ковдрою і книжками, в торбах хліб, масло, кусень ковбаси. Военний камамбер (нуль жирів), ренклоди і пляшка вина. Якби не оце “нуль жирів” в камамбері, було б майже як перед війною. І в цьому році значно краще з харчуванням і багато фруктів. Мені здається, що якби зараз у цей момент зателефонував до Кракова і розказав усе це, ціла родина вирішила би, що в мене потьмарився розум. В окупованій Франції, на третій рік війни, можна ще напхати торбу цілком непоганою їжею, причепити її до велосипеда і зовсім вільно виїхати за місто кудись на галявину чи до лісу, не зустрівши по дорозі жодного німецького жандарма, навіть німця зрідка” [22, с. 339].

В то же время положение населения в Рейхскомиссариате Украины и в военной зоне было несравнимо более тяжелым. В таких условиях каждый искал свою нишу для выживания в новой повседневности: не гнушались люди и старым проверенным методом — “грабировкой”:

Л. Гурченко:

“В городе самым ходовым стало слово “грабировка”. Что это такое? Если бомба попадала в склад с продуктами, люди, вооружившись мешками и ведрами, толкая и обгоняя друг друга, бежали “грабить”. Многие не возвращались. Немцы расстреливали тех, кто замешкался и не успел скрыться. Люди хватали все подряд, что близко лежало, не нюхая, не читая надписей на ящиках. Лишь бы добыть что-то и поскорее унести домой” [9, с. 22].

Валентина М.:

“Когда был налет — все вокруг трясется, а потом как жახнет, и взрывной волной выбивает и стекла и рамы и все, что на подоконнике [у німців]. Где только, смотрим, яма большая — воронка и видно, взрывной волной поразбрасывало все вокруг, и там находили уже куски хлеба, вот, у них сыр плавленный был в таких тубиках — сразу хватаем...”

Владимир З.

“Голод страшный был. Даже вот у меня картина перед глазами... зимой лошадь с немцами ехала, ну поскольку было очень скользко, лошадь упала и сломала ногу. Немец встал, посмотрел, ну что делать с этой лошадыю? ...В течение получаса не то что крошки не осталось от этой лошади... Ну то, что съели всех кошек, собак, мышей, крыс и т.д., — это все результат голода”.

В общем почти все авторы воспоминаний о Харькове периода оккупации, независимо от того, какие у них были политические взгляды, пишут, что население города переживало практически массовый геноцид. Так, представитель российского Народно-трудового Союза Я. Трушнович в своих воспоминаниях, касающихся работы НТС на оккупированных территориях Советского Союза, отмечает:

“О работе НТС в Харькове в тот период М.Н.Залесский почти ничего не пишет: он в ужасе от того, какие лишения приходились на долю населения. За зиму 1941–1942 года в городе было зарегистрировано 80 тыс. умерших от голода, не считая тех, кто, уйдя в села за продуктами, замерз в пути, не считая тех, кто добывал замерзший картофель на заминированных отступившими частями полях и подорвался. Был выведен из строя водопровод, и люди брали воду из реки, покрытой тонким льдом... В спешке мобилизовали харьковчан в Красную армию и отправляли на передовую в гражданской одежде, а немцы всех взятых в плен с оружием в руках, но в гражданском причисляли к партизанам и расстреливали...” [23, с. 110].

Большинство населения, скрывая ужас, вынуждено было так или иначе вступать в контакт с оккупационными войсками и властями, пытаясь хотя бы элементарно обустроить жизнь в новых условиях и преодолеть голод. На каких основаниях происходил контакт между оккупантами и местными жителями, можно понять из следующих свидетельств:

А.Любченко:

“8/11-41р. День минув спокійно. Знову хмари й дощ. Я дві години рубав дрова у дворі... На базарі вперше купили сьогодні 2 головки капусти за 10 крб. і за два тижні вперше наїлися пісного борщу. Німець попросив вимити манірку, там було з півманірки картоплі й сочевиці, тітка Люба й Ніна поснідали з апетитом” [7, с. 14].

Валентина М.:

“У них внизу кухня была, большой котел варят, не помню, чтоб они другое что-то делали, вот всегда у них был гороховый суп, ну не знаю, может быть и с мясом. Мясо нам не попадало. Но в зависимости от того, от повара... если он был человек, так он: “Ком цу мир”. Подходишь, смотришь на него, молча берет эту кастрюльку — наливает”.

А.Любченко, офіційно работавший в газете “Новая Украина”, получал продуктовый паек и денежное обеспечение:

“25/11-41р. Олійник [знайомий] приніс мені (до редакції) шматок хліба, дві пачки цигарок і аванс за статтю “Україна живе” (до кiev. газети) — 300 крб. ...Сьогодні другий день, як почали давати обіди в М.У. [Міська Управа]: борщ із соленими бичками і ті ж бички на друге” [7, с. 19].

Ксения М., которая в оккупацию работала на железной дороге, получала заработную плату продуктами:

“Немцы не издевались — хорошо относились, пайки мы получали. Каждую неделю паек мы получали”.

Лукерья Н. рассказывает о своих родителях, которые работали на предприятии в Харькове:

“Да, да еду какую им давали, давали что-то 100 или 200 грамм хлеба на день — маме, папе, но давали, а денег, я не помню, очень мало что-то...”

Но случаи работы на предприятиях или в организациях были мало распространены — работы не было...

Иногда “спасением” от ужасной жизни в захваченном немцами Харькове считалась вербовка на работу в Германию:

В.Устьянов:

“А умови життя в місті все гіршали... Отже, коли у нашій квартирі з'явився представник біржі праці з письмовим наказом моєму батькові і мені їхати до Німеччини, то за таких умов годі було сперечатися” [12, с. 133].

На такой путь харьковчан, которых ждала там в основном тяжелая работа, прежде всего толкал ужасный быт города.

Вместе с тем, по словам Л.Гурченко:

“Процветал тот, кто принял железную логику — или ты, или тебя. Эти люди будто вынырнули из-под земли. Одни работали у немцев. Другие открывали лавочки, кафе. А самые страшные стали полиция-ми. Их боялись больше, чем немцев...” [9, с. 35].

Описание части населения, которая сотрудничала с немцами и обогащалась, в общем не имея никаких политических целей, оставил О.Гончар (06.1943):

“Міста, красені України, перетворені в гори цегли і попелу. На цих зга-рищах, як шакали, буйно бенкетують і розплоджуються різні проїдисвіти, аферисти, спекулянти. Недавно приїздила машиною з Люботина така група нових людей — битих спекулянтів (вони себе соромливо називають ще “комерційними людьми”). Коли я прийшов, вони лежали покотом в саду управителя і пиляли при місяці. Блядюжка, покинута німцями і перекуплена ними на деякий час, стівала їм пісеньки. З одним я розговорився.

— Ми всі живемо з комерції, — сказав він.

— Як всі? Але ж когось ви повинні обдурювати, щоб одержувати ваші дивіденди?

— Обдурюємо один одного.

Сам він днями заробив, каже, чотириста тисяч. Це значна сума навіть в цей час, коли грошовий курс дуже низький. Він їздив з Харкова в Артємівськ і за кілька пудів хрестиків (у них це на пуди) виміняв шість

вагонів солі. Плату він одержав сіллю — кілька центнерів. Продав, розбагатів, од бургомистра одержав подяку” [8, с. 9–10].

А вот какие воспоминания об этой стороне оккупационной действительности оставил О.Иваницкий:

“... “Черная биржа” располагалась под аркой разрушенного дома на площади Тевелева (теперь площадь Конституции), в котором сейчас магазин “Книжный мир”. В толпе шныряли молодые люди в шляпах-канотье, как в дореволюционных фильмах. Они скупали золото, драгоценности, другие ценные вещи. Странно, но “кидал” не было. Во всяком случае, каких-либо инцидентов я не помню. Наверное, потенциальные воры и мошенники остерегались жесткой оккупационной карательной системы, когда за, казалось бы, незначительное правонарушение неотвратимо следовала смертная казнь...” [11, с. 108].

Отношение к этой категории людей, наживавшихся на беде своего народа, было одинаковым почти у всех, кто с ними соприкасался, — и у пленного красноармейца О.Гончара, и у сотрудника газеты “Новая Украина” А.Любченко, записавшего в 1943 году в своем дневнике:

“На ринкові ажіотаж не припиняється... При чому не беруть крупніших купюр, вимагають по 1 й 3 крб. советськими або одмовляються давати цими грішми здачу. Бережуть її, збирають, приховують, сподіваючись приходу большевиків. Така от нечиста продажня сила! Їх тільки розстрілювати. Це — справді людські покидьки, безлична протоплазма, гній. Вони готові завжди кому завгодно служити й кого завгодно зрадит ...” [7, с. 121].

К сожалению, одной из весьма распространенных практик выживания женского населения с первых дней оккупации стали проституция и сожительство с немецкими военными. Это явление было не единичным, и о нем упоминается почти во всех воспоминаниях.

Шевелев Ю.:

“Кому ще добре — звичайно, дуже релятивно добре — жилося в піднімецькому Харкові, крім людей, що працювали на німців?... Тим дівчатам, що добровільно обслуговували романтично-сексуальні апетити зігнаних на схід молодих німецьких вояків, але звичайно без надії на справжнє кохання й шлюб, бо цьому на перешкоді стояли німецькі закони про чистоту раси. Решта населення ставилася до них украй зневажливо, евфемістично їх звали німецькими “овчарками”, себто слухняними собаками” [5, с. 339].

Гончар О.:

“Харків взагалі зараз, за оповідями, — це новий Вавілон. Життя кипить, але н’яне, нездорове, як бенкет під час чуми... На вулицях сморід від трупів, що десь поблизу розкладаються під сонячним промінням, і тут же поруч на розі — вже гримить ресторан, там німецькі офіцери розважаються з українськими дівчатами” [8, с. 22].

Одновременно большинство населения не имело возможностей для нормальной жизни: крайне ограничены воспоминания относительно функционирования социальной сферы — школ, больниц и т.п. В

частности, об ужасающем пребывании в больнице вспоминает А.Любченко:

“22/3-42р. В лікарні, де я лежав, в моїй палаті померло троє на моїх очах. Туди приводили або приносили людей геть виснажених, яких брали на вулиці. В лікарні, що зараз вважається найкращою в Харкові (І-ша залізнична), палати отоплюються “буржуйками”, але вугілля обмаль. Отже — холод, дим, бруд. Води теж нема, використовують сніг і річкову воду для питва. Про ванну годі й думати. По постелях лаять воші. Їжа — рідина з буряків і натяків на пішоно. Хліб — по 100 грамів якогось чорнючого гливкого місива, що на нього й глянути страшно, але за нього там просто б’ються. Ліків потрібних теж нема, їх щоразу замінюють іншими. І електрики нема. Темрява сповняє палати вже о 5 год. вечора. Колись приносять комусь їжу з дому, то ховати треба під подушкою, бо і не тільки інші хворі, але й медперсонал обкрадає хворих” [7, с. 25].

Александр К. о пребывании в больнице:

“Ко мне никто не приходил. Кормили: утром — кусочек хлеба 50 гр., эрзац хлеб, это хлеб, я не знаю из чего он сделанный, и стакан чая морковного, вот. А часов в 11 давали какую-то — баланду, ну, в общем, с буряка там со всякого, не чистое что-нибудь, а такую — баланду. И часа в 3 давали такую баланду, вечером без хлеба, ничего, вот. Но тоже, Дергачи рядом, и там много было детворы, как я, старше, меньше, и к ним приходили родственники, и меня подкармливали как могли — кто стакан молока, но это не каждый день, а через день, кто коржик, кто что-то принесет. Наши стали подходить к Харьковку — кормить нас перестали”.

Большое психологическое влияние на жителей города имели практически ежедневные бомбежки Харькова советскими самолетами, бои, которые шли невдалеке от города практически на протяжении всей оккупации, диверсии подпольщиков, слухи о ситуации на фронте.

Любченко А.:

“8/11-41 р. Ще за кілька днів до 7/11 серед населення посилено розповсюдилась чутка, що на більшовицькі свята будуть більшовики бомбувати Харків і взагалі можливі партизанські диверсії. 6/11 біля 9 год. ранку з’явилися справді три більшовицькі самолёти. ... Біля 12 год. дня знову налетіли один чи два ...Біля 3-ої ще була одна спроба без наслідків” [7, с. 12].

“4/6-42 р. Згадую: березень (не пам’ятаю тільки дня) коли Х-в був під великою загрозою і ми з Царинниками наладнали вже санки, щоб на них посадити та вкютати дітей і пішки мандрувати на Полтаву. Тоді вже Земельна Управа евакуювалась (разом з німецьким її керівництвом). І взагалі була в місті велика паніка. Барикади, укріплення, провокаційні чутки. Я ходив напозотові з грішми в кишені й найпотрібнішими речами, які лише могли вміститися по всіх кишенях” [7, с. 24].

Вот в каком виде предстает Харьков первых месяцев оккупации в разрезе устных рассказов свидетелей и письменных биографических документов.

В результате мы имеем сложную и полную трагизма картину жизни жителей города в те страшные времена — картину, которую не даст ни один официальный документ. На основании устных свидетельств и биографи-

ческих документов, сравнивая их с официальными документами немецкого командования, органов украинского самоуправления и т.п., можно воспроизвести ужасную ситуацию, в которой оказалось население города во время оккупации. И лишь вполне осознав положение населения, мы имеем моральное право делать выводы — имели ли люди возможность выжить каким-то иным образом или же, во многих случаях, именно контакт с оккупантами был тем единственным способом, который мог спасти жизнь. В этом контексте нельзя не вспомнить слова Я.Грицака, что “немецкая ... оккупация с ее доселе невиданной жестокостью привела к коллаборации в невиданных доселе масштабах. Фашистское командование трактовало свои действия на Востоке не просто как очередную военную кампанию, а как войну тотального уничтожения (Vernichtungskrieg). Задачей немцев было не просто установление своего контроля над этой территорией, а сознательное уничтожение нескольких миллионов пленных и гражданских, зачисленных в категорию “недолюдей” (Untermenschen). Учитывая особенно жестокий характер оккупационного режима для жителей Восточной Европы, стоял вопрос не о том, “коллаборационировать или не коллаборационировать?”, а “как выжить?”. Выбор возможностей был минимальным” [24, с. 232].

Вместо выводов

Кажется, Ортега-и-Гассет сказал, что “Я — это Я и мои обстоятельства”. Поэтому, учитывая сложность исследуемого явления, нужно прежде всего раскрыть обстоятельства, в которых оказалось каждое “Я” во время оккупации. Поэтому считаю, что применение такого комбинированного метода собирания и анализа биографических материалов научно более плодотворно, чем использование в исследовании одних лишь устных свидетельств очевидцев или только биографических документов. Подобное сочетание свидетельств, воспоминаний и официальных документов как раз и позволяет осуществить социологическую реконструкцию такого сложного периода, как оккупация. Ведь именно в реконструкции социального, стремлении глубже понять процессы, происходившие в нашем обществе в разные исторические периоды, в том числе и во время войны, и заключается необходимость социологических исследований по исторической тематике.

Совпадение воспоминаний респондентов, собранных в течение 2006–2007 годов, с содержанием письменных воспоминаний и дневников, написанных ранее — во время войны или вскоре после ее окончания, — является важным подтверждением значимости таких документов в качестве материалов для изучения практик выживания населения во время оккупации в период Второй мировой войны.

Литература

1. *Гудков Л.* Перемога у війні: до соціології одного національного символу // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 3. — С. 36–45.
2. *Дубина К.* Варвари двадцятого віку. — Саратов, 1942; *Новиценко Л.* Гітлерівська кріпаччина. Про “німецьку земельну реформу” на тимчасово окупованій Україні. — Саратов, 1942; *Шульга З.* Українське селянство не буде у фашистській неволі. — Уфа, 1942; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. 1941–1944 рр. — К., 1963; Ко-

- валь М.* Історія пам'ятає. Кривавий шлях фашистів на Україні. — К., 1965; Історія міст і сіл Української РСР: У 26-ти т. — К., 1967–1974; Немецко-фашистський окупаційний режим (1941–1944 гг.): Сборник статей / Под ред. Е.А.Болтина. — М., 1965; Історія застерігає. — К., 1986; Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу. 1941–1945 рр.: У 3-х т. / М.О.Буцько, М.М.Власов, П.І.Денисенко та ін. — К., 1967–1969.
3. *Коцюбинська М.* Книга споминів. — Харків, 2006.
 4. *Семененко О.* Харків, Харків.... — Харків; Нью-Йорк, 1992.
 5. *Шевельов Ю. (Юрій Шерех).* Я — мене — мені... (і довкруги). Т.1. : В Україні. — Харків, 2001.
 6. *Соловей О.* У Просвіті та навколо // Дражевська Л., Соловей О. Харків у роки німецької окупації. Спогади. — Нью-Йорк, 1985.
 7. *Любченко А.* Щоденник. — Львів; Нью-Йорк, 1999.
 8. *Гончар О.* Щоденники. — К., 2002. — Т. 1.
 9. *Гурченко Л.* Аплодисменты. — М., 2003.
 10. *Верт А.* Россия в войне 1941–1943. — М., 2003.
 11. *Іваницький О.* Німецька окупація. 1941–1943. — Спомини про події під час окупації в місті та на селі // Спогади. Життя як воно є : Альманах. — Харків, 2006. — № 1. — С. 101–125.
 12. *Устьянов В.* Спогади колишнього остарбайтера. 1941–1946. — Записки про вимушені пригоди хлопця з Харкова, що був вивезений до Німеччини // Спогади. Життя як воно є : Альманах. — Харків, 2006. — № 1. — С. 127–181.
 13. *Рибальченко Р.* Підкови на снігу. — Харків, 2006.
 14. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К., 1994.
 15. *Генкіна О.* Два роки за “нового порядку” : Повість. — Харків, 2001.
 16. *Лобанова А.* Феномен соціальної мімікрії. — К., 2004.
 17. *Скоробогатов А.* Харків у часи німецької окупації (1943–1943). — Харків, 2004.
 18. *Шюц А.* Возвращающийся домой // Социологические исследования. — 1995. — № 2. — С. 139–142.
 19. *Сорокин П.* Голод как фактор. — М., 2003.
 20. *Гайдабура В.* Театр між Гітлером та Сталіним. Україна. 1941–1944. Долі митців. — К., 2004.
 21. *Субтельний О.* Україна. Історія. — К., 1993.
 22. *Бобковський А.* Війна і спокій. Французький щоденник 1940–1944. — К., 2007.
 23. *Трушинович Я.* Работа НТС на оккупированной немцами Украине // Посев. — 1992. — № 3. — С. 108–114.
 24. *Грицак Я.* Нариси історії України: Формування модерної української нації XIX–XX століть. — К., 2000.